

РОССИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Выпуск I

Ответственный редактор

Е. Е. Рычаловский

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

ББК 63.3(2)46-7
Р 76

Р 76   Россия в XVIII столетии. Вып. 1 / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 136 с. – (Studia historica).

ISBN 5-94457-049-0

Сборник посвящен различным проблемам истории России того столетия, которое принято именовать «веком Просвещения». Основное внимание уделяется духовной культуре, социальным отношениям и внутренней политике правительства. Все работы сборника основаны на широком круге источников, большей частью неопубликованных.

ББК 63.3(2)46-7

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-049-0

9 785944 570499 >

© Авторы, 2002

В. В. Крючков

ВОЕННАЯ СЛУЖБА РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Одной из актуальных тем при изучении дворянского сословия в России является служебная деятельность дворянства во второй половине XVIII века.

Дореволюционные исследователи М. Г. Спиридов, Г. Ф. Миллер, И. А. Порай-Кошиц, С. А. Корф, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, А. Романович-Словатинский детально рассмотрели эволюцию российского законодательства о службе дворян на протяжении XVIII века. Относительно конкретной реализации правовых норм они выдвигали тезис о «бегстве дворянства со службы» после Манифеста 1762 года. С другой стороны, они же придерживались взгляда на служилый характер дворянского сословия в XVIII в. вследствие особого сознания, привычки к службе, привитой Петром I¹.

Советские исследователи по существу поддерживали положение о «бегстве дворян со службы» и акцентировали внимание на возрастании паразитизма дворянского класса-сословия. В трудах Н. Л. Рубинштейна и С. М. Троицкого был вскрыт процесс подготовки освобождения правящего класса от обязательной службы на основе анализа работы Уложенной комиссии 1754—1766 гг. и Комиссии о вольности дворянства². Непосредственно вопросам организации и комплектования русской армии в XVIII веке был посвящен целый ряд работ, в числе которых следует отметить монографию Л. Г. Бескровного³. В них рассматривались общие аспекты влияния сословной структуры русского общества на вооруженные силы.

Значительным вкладом в изучение службы дворянства стали работы И. В. Фаизовой, главной источниковой базой которых являлись материалы текущего учета дворян, отложившиеся в фонде Герольдмейстерской конторы⁴. На их основе были выявлены масштабы и динамика дворянских отставок с военной и гражданской службы, изменения

в продолжительности сроков службы и их зависимость от материального положения за десятилетие после Манифеста 18 февраля 1762 года.

Б. Г. Кипнис проанализировал личный состав офицеров и унтер-офицеров нескольких полков русской армии на протяжении XVIII века. Полученные результаты позволили выдвинуть положение об уменьшении роли потомственного дворянства в накоплении и передаче боевого опыта в войсках к концу столетия⁵.

Ю. Н. Смирнов, изучавший историю русской гвардии, выявил долю дворян в личном составе гвардейских полков и особенности их чиновно-производства по сравнению с гвардейцами-разночинцами, а также в связи с имущественным положением⁶. Вместе с тем недостаточно изученным остается целый ряд вопросов, в том числе об общем соотношении служащих и неслужащих дворян, о воинских частях, в которых они начинали служить, причинах, заставлявших благородных поступать в армию после отмены обязательной службы. Для этого необходим анализ характерных черт и особенностей службы совокупности благородных отдельно взятого региона во второй половине XVIII века. В этом отношении представляет интерес монография Г. Ф. Быкони, в которой одна из глав посвящена реалиям военной службы представителей различных сословий в частях, расквартированных в Сибири⁷. Военная служба рязанских дворян до настоящего времени не была предметом специального изучения, и данная статья является первой попыткой исследования проблемы.

Задачи настоящей статьи следующие: выявить, в каких частях и чинах служили рязанские дворяне; определить продолжительность сроков службы; выяснить реакцию рязанского дворянства на правительственную политику в отношении службы благородного сословия.

Источниковую базу статьи составили архивные материалы из фондов Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Рязанской области, а также опубликованные источники: законодательные и делопроизводственные материалы, источники личного происхождения.

Из делопроизводственных документов основными являются ведомости учета дворян, проведенного Рязанской воеводской канцелярией в 1775 году⁸. По указу Сената канцелярия должна была доставить списки обо всех служащих и неслужащих дворянах со сведениями о прохождении ими службы, семейном и имущественном положении, месте жительства. Сбор данных осуществлялся канцелярскими чиновниками посредством объезда всех селений. Они опрашивали всех помещиков по особым пунктам и записывали полученные сведения. Свою информацию помещик должен был подтвердить документально. Если он не мог этого сделать («за сгорением пашпорта», «за разбитием... разбойни-

ками»), то это фиксировалось в тексте. Каждый дворянин лично или через поверенного скреплял сказку. В результате в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) отложились четыре дела по всем станам Рязанского уезда в его границах до губернской реформы. Тем самым тщательный сбор сведений был единовременно проведен на территории значительной части будущей Рязанской губернии, на которой после губернской реформы образовались Рязанский, Спасский и частично Егорьевский и Сапожковский уезды. Из списков 1775 г. нами извлечены данные о службе 632 дворян. В их число вошли 248 отставных помещиков и 384 члена их семей мужского пола (как живших в домах, так и находившихся на службе). Сведения списков отражают службу дворян двух поколений: помещиков-отставников, начавших служить в основном до отмены обязательной службы, и их детей. Полнота информации источника варьируется от 25% по вопросу о месте начала службы до 100% по вопросу, служил ли дворянин или нет. Все это позволяет принять списки 1775 г. за естественную выборку, на основе которой можно изучать тенденции службы рязанских дворян.

Важным источником по дворянской службе конца XVIII века является «Ведомость, писанная пронской округи предводителем от дворянства подполковником Ржевским», отложившаяся в фонде Рязанского губернского дворянского собрания⁹. Г. П. Ржевский составил ее в 1800 г. на основе экономических примечаний, дворянских списков и донесений нижнего земского суда. «Ведомость» включает сведения о местоположении, населении, земельных угодьях и промышленных заведениях Пронского уезда. Ржевский привел в ней данные о численности отставных служащих и не служащих дворян (всего 1199 человек мужского пола) на 1800 год.

Списки 1775 года позволяют определить места начала службы рязанских дворян. Сгруппируем извлеченные сведения в таблицу.

Таблица 1. Место начала службы рязанских дворян в XVIII в.¹⁰

	армейские полки	гвардия	канцелярия	гарнизоны	к/д корпус	штатные команды	флот	всего
чел.	102	29	9	6	5	4	2	157
%	65	18,5	5,7	3,8	3,2	2,5	1,3	100

Большинство отставных дворян начинало свою военную карьеру в армейских частях. Они пополняли кадры более чем 40 полков русской армии. Во все полки поступали по 1—3 человека, и каких-либо общих предпочтений в выборе места начала службы не прослеживается. Ис-

ключение составляет 2-й гренадерский полк, в котором служили десять отставников. Это связано с тем, что в 60-е гг. XVIII в. он был расквартирован в Переяславль-Рязанской провинции, и помещики определяли своих детей в ближайшую воинскую часть. Вместе с тем, по другим источникам известно, что в дворянских родах существовали определенные традиции преемственности в службе. Братья часто определялись в одни и те же полки, дети — в полки отцов. Преемственность ярко проявлялась в дворянских семьях, связанных с флотом. Например, у Головниных было принято направлять старшего сына на морскую службу. В результате за два столетия этот род дал свыше 20 моряков, в том числе известного мореплавателя вице-адмирала В. М. Головнина. Схожим образом складывались морские династии Повалишиных, Веселкиных, Тверитиновых, традиции преемственности которых продолжались и в XIX веке.

В гвардии службу начинали почти вчетверо меньше дворян, чем в армии (29 человек). Большинство из них определялось в Преображенский и Измайловский полки. Примечательно, что каждый пятый из них был средним помещиком, тогда как в армейские полки поступали почти исключительно мелкопоместные и не имеющие крестьян дворяне. Это следует отнести на счет правительственной политики. Петр I постановил определять в гвардию «знатных» дворян. Их «знатность» следовало «по годности считать»¹¹. Но при его преемниках фактически был введен имущественный ценз. Указ 1733 г. требовал не высылать на смотры в Санкт-Петербург недорослей, которые имели 20 и менее душ, а определять их в армейские полки неподалеку от места жительства. 15 декабря 1738 г. было предписано «таким произвождение чинить, которые... достойны, и чтоб достаток имели, чем себя, будучи в гвардии, чисто содержать»¹². Хотя в 1741 г. единственным критерием при приеме в элитные части стал внешний вид, количество мелких дворян в гвардейских полках со времен Петра I неуклонно сокращалось¹³. Для основной массы рязанских дворян, относившейся к мелким владельцам, доступ в гвардию был затруднен.

Лишь девять отставников начали служить в канцеляриях различных учреждений. Все они, кроме провинциального секретаря Д. М. Токарева, вышли в отставку в военных чинах. Например, А. Д. и И. Д. Шиловские поступили в 1755 г. юнкерами в Вотчинную коллегию. Оба уволились в один день — 3 июля 1763 г. — по состоянию здоровья подпоручиками¹⁴. Н. В. Петрово-Соловово начал служить в 1757 г. юнкером Военной коллегии. Однако затем он предпочел карьеру боевого офицера — воевал с конфедератами в Польше, участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и вышел в отставку майором¹⁵.

Нетипичным для основной массы рязанских дворян являлось обучение в кадетских корпусах. В них поступали в первую очередь представи-

тели провинциальной элиты (В. Д. Шиловский, П. А. Кропотов, С. В. Измайлов). Из стен корпусов выходили высокообразованные люди, способные как к несению воинской службы, так и к участию в гражданском управлении. Показательной является карьера упомянутого В. Д. Шиловского. После выпуска в 1756 году он занимался межеванием, а затем принял участие в русско-турецкой войне, штурмовал Хотин¹⁶.

Среди отставных дворян в нашей выборке лишь двое прежде служили на флоте. Прочие дворяне-моряки находились в действительной службе. Во второй половине XVIII века их было не менее пятнадцати в чинах от матросов до вице-адмиралов. Наибольших успехов достигли вице-адмирал И. А. Повалишин, генерал-контролер Адмиралтейства Ф. М. Селиванов, генерал-майор по Адмиралтейству А. В. Тверитинов и капитан генерал-майорского ранга М. Г. Кожухов¹⁷.

Гарнизонные войска до губернской реформы были представлены штатными командами при воеводских канцеляриях. После создания Рязанской губернии в ней были организованы губернская рота и уездные штатные команды. Комплектовались они в основном престарелыми и неспособными к службе в армии, а также вышедшими в отставку. Военнослужащие этих частей должны были получать жалованье и обмундирование на равных с пехотными полками, а оружие — списанное из армии. На деле обеспечение команд было слабым. Не являлись исключением и рязанские. Так, в сапожковской команде перед лицом приближения пугачевцев не нашлось ни одного годного ружья. Новая форма не выдавалась 10 лет. Воеводе пришлось срочно изыскивать деньги, чтобы штатные солдаты «в крестьянском и в другом каком платье не ходили»¹⁸. Но и позднее положение ненамного изменилось. Особенно тяжело было сверхштатным военным служащим, претерпевшим «без жалованья провианта в одежде и обуви крайнее изнеможение»¹⁹.

В командах преобладали дети крестьян, солдат и церковников, однако среди служивших были и местные дворяне. Уже при комплектовании рязанской губернской роты и команд в уездах в них записались несколько человек²⁰. В 1792 г. из 429 военнослужащих 17 составляли рязанские помещики. Почти все они принадлежали к самым неимущим слоям дворянства. Более половины не имели крестьян, и лишь у двоих было более 20 душ. Если в списках 1775 г. указаны лица, с самого начала поступившие в штатные команды, то в 1792 г. все дворяне попали в них из полевых полков. Среди них были два капитана, два поручика, четыре подпоручика, три прапорщика, три сержанта, два подпрапорщика и один капрал. Некоторые имели уже значительный стаж службы в местных частях. Например, поручик Ф. Лихачев в 1779 г. поступил в егорьевскую, а в 1785 г. перевелся в пронскую команду, а затем — в губернскую роту. Наибольший стаж был у отставного подпоручика

Д. Чалеева, который начал служить еще при Ряжской воеводской канцелярии с 1760 года²¹.

На военнотружущих команд ложились важные поручения. Особую роль играл командир, исполнявший обязанности городничего в случае его отсутствия. Вместе с тем характерной чертой послужных списков многих военнотружущих были негативные отзывы и упоминания о взысканиях. Это относится и к числившимся в командах дворянам. Каждый третий был уличен в проступках, «слабости в содержании команды». Подобное практически не встречается в послужных списках дворян, прослуживших все время в полевых полках. Все унтер-офицеры из дворян были неграмотны, тогда как бóльшая часть унтеров из неблагородных владела грамотой. Местная команда была своеобразным антиподом гвардии, куда часто попадали лица, закончившие карьеру в армии или неспособные служить, у которых не имелось шансов на повышение из-за неграмотности и дисциплинарных проступков. Встречались и особые случаи, как, например, с дворянином А. С. Новиковым. В раннем возрасте вместе с матерью, которая вторично вышла замуж за приписного мастерового, он оказался на железном заводе купца Белого в Рязанском уезде. У Белого Новиков провел «лет з двенадцать, потом она мать ево умре, а он, Андрей, пошел на купца Богданова железный завод»²². Там в январе 1780 г. он и был обнаружен среди прочих беспаспортных. Благодарные Пронского уезда засвидетельствовали, что Новиков и умерший отец его «подлинно из дворян». Сразу после того как его происхождение было подтверждено, он попросился в губернскую роту и был туда зачислен. Дальнейшая его судьба пока неизвестна. В списках военнотружущих местных команд 1792 г. он не числился. Вполне возможно, что он к этому времени скончался, так как в 1780 году показано, что ему 47 лет. Очевидно, что Новиков происходил из неимущего дворянства и добывал себе средства к существованию трудом мастерового (не случайно он перешел с одного завода на другой). Его судьба не была уникальной. В 1783 г. при игольной фабрике генеральши И. Р. Хлебниковой в Пронском уезде среди мастеровых 24 человека происходили из благородных. Вместе с другими разночинцами они оказали отчаянное сопротивление, когда владелица включила их при проведении ревизии в число крестьян, но потерпели поражение²³. В этом отношении зачисление в губернскую роту позволяло А. С. Новикову сохранить свой сословный статус и найти источник существования взамен работы на заводе. Вероятно, из схожих соображений исходили дворяне, определявшие в invalidные команды в городах Рязанской губернии.

Из 248 отставников-рязанцев боевой опыт имел 121, то есть почти половина. Перечень кампаний показывает, что рязанские дворяне участвовали во всех войнах, которые вела Россия в XVIII столетии. Важней-

шим внешнеполитическим событием была Семилетняя война. В ней приняли участие 63 отставника. Рязанцы были во всех ее крупных сражениях (Гросс-Егерсдорф, Цорндорф, Пальциг, Кунерсдорф, взятие Франкфурта, Берлина). Упоминания о войне с Турцией 1768—1774 гг. встречаются в сказках 24 дворян. Преобладание ветеранов Семилетней войны связано с тем, что к 1775 году многие участники русско-турецкой войны еще не вышли в отставку. В послужных списках 80 — 90-х гг. опыт турецких кампаний стал преобладать. Небольшое число рязанских помещиков подавляло мятеж конфедератов.

Важнейшей функцией армии является защита внутреннего строя государства. В 1773—1775 гг. несколько рязанских дворян принимали участие в подавлении движения Е. И. Пугачева. Двое из них — А. П. Галахов и П. Н. Дубовицкий — сопроводжали клетку с пойманым крестьянским вождем в Москву (Галахов был начальником караула).

Из войн первой половины XVIII в. дворяне участвовали в 3—4-х. В этом отношении типична сказка С. А. Агромакова, начавшего службу в 1725 году. Четыре года спустя он участвовал во взятии Азова, в 1737—1739 гг. в походе на Крым. «А в 742-м году оттуда возвратились, пошли в поход во Свецкие на галерах под Вердесгам... и взяв город, пошли под Борх, а в 743-м году пошли под Венцефорс, а в 744-м году пошли под Стекольной, и подо всеми оными городами на приступах и на сражениях против неприятеля был», — сообщал он о своей службе²⁴. Из войн второй половины века рязанские дворяне обычно участвовали в одной, каждый десятый — в двух.

Примерно каждый восьмой дворянин, участвовавший в войнах, получил одно или несколько ранений. Некоторые в одном бою бывали ранены неоднократно. Н. И. Дивов в сражении за Дунаем получил четыре раны («в правую ногу саблею, в левую руку насквозь пулею, в левую ногу пулею, в правую руку контузию»)²⁵. Обыденным явлением на воинской службе были травмы — вывихи, переломы, убой от лошадей. Бичом армии XVIII в. являлись плохие санитарные условия, и некоторые дворяне увольнялись после первого же осмотра лекарем по окончании военной кампании. Хотя на базе привлеченных источников невозможно выявить количество безвозвратных потерь, статистика ранений свидетельствует о достаточно высокой степени риска, которой подвергались дворяне на театре военных действий.

Известная часть дворян отправлялась на службу со своими слугами, с большим количеством скарба. Из дома им присылался столовый запас. Некоторым благородным возможности позволяли обзавестись по месту службы хозяйством. Комендант крепости на Урале А. М. Бородавкин имел свой двор, тяглый и мясной скот, птицу, за которыми ухаживали дворовые. У него были свой выезд, большое количество парадной и по-

вседневной одежды²⁶. Значительное состояние в должности провиант-мейстера в Крыму и на Украине сколотил скопинский дворянин П. Н. Дубовицкий. Он вспоминал, что купил особняк, «обзавелся лошадьми, хорошей упряжью, домашними вещами и тысяч на пять серебра и бриллиантов, да и жили... припеваючи»²⁷. Роскошный образ жизни вели многие гвардейцы. Но подобное нельзя считать типичным для большинства рязанских дворян. В основном они служили в весьма суровых условиях, перемещаясь вместе со своими частями чуть ли не по всей Европе и за ее пределами. У многих прерывалась связь с домом. Во второй половине XVIII в. обычной была ситуация, когда мать или жена даже не могли указать, где «обретается» находящийся на службе сын или муж. Почти все отставники в качестве основания для увольнения указывали плохое здоровье, а некоторые — старость и дряхлость. Последнее говорит о службе на износ и встречается в сказках лиц, начавших служить до отмены обязательной службы.

До 1762 года средняя продолжительность службы рязанских дворян составляла около 18 лет. У начавших служить до и вышедших в отставку после Манифеста 18 февраля она снизилась примерно на полтора года. Однако столь незначительное изменение должно быть отнесено на счет специфики среднего арифметического. На него большое влияние оказывает немногочисленная группа дворян, служивших 30—40 лет. Среди них подполковники Ф. В. Колычев (стаж службы 42 года), М. В. Чеботаев (30 лет), полковник М. И. Нестеров (30 лет). На деле $\frac{2}{3}$ вышедших в отставку после 1762 г. имели сроки службы меньше или равные среднему арифметическому. Выделяется большая группа отставников со стажем в 13—14 лет. Это согласуется с выводами И. В. Фаизовой, по оценке которой в первое десятилетие после принятия Манифеста отменой обязательной службы в основном пользовались лица, прослужившие 12—15 лет²⁸.

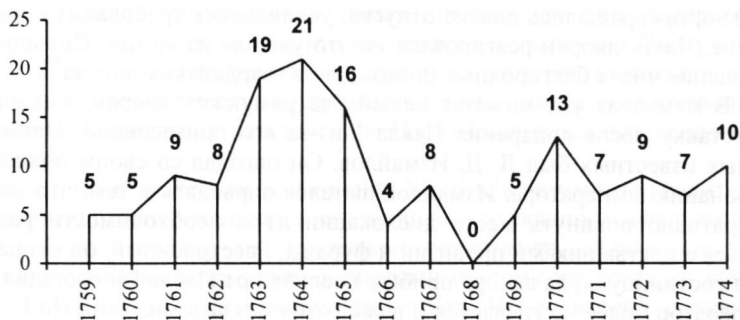
Наименьший средний срок службы был у военных, начавших карьеру после отмены обязательной службы, — всего 5,5 лет. Но было бы необоснованным считать, что продолжительность службы всех дворян с 1762 по 1774 г. включительно сократилась в три раза. Далеко не все дворяне, начавшие служить в этот период, вышли в отставку ко времени составления списков воеводской канцелярией. Вместе с тем налицо сокращение средних сроков военной службы как минимум у части рязанских дворян, определившихся в армию начиная с 1762 г. Показательно, что в этой группе военных никто не служил более 11 лет, а многие пробыли в армии всего по 3—4 года.

Сроки действительной службы могли быть меньше из-за ранней записи в полк или отпусков. По нашим подсчетам из 44 унтер-офицеров из числа рязанских дворян, числившихся на службе в 1775 г., примерно

треть составляли малолетние. Иногда это принимало курьезную форму. В. В. Селиванов упоминает в своих записках родственников М. П. и Н. П. Селивановых, которые с малолетства числились в Преображенском полку, но жили в имении Любава Зарайского уезда. В полк они направились только после начала войны со Швецией 1788—1790 гг. «Поехали из дома в июне, возвратились в августе или сентябре с чинами капитанов армии. Между дворовыми людьми оставалось долго предание, что Николай Павлович и Михаил Павлович поехали служить, когда засевали гречиху, а возвратились со службы, когда гречиха поспела»²⁹.

Манифест 18 февраля 1762 года отменил обязательную службу и создал более широкие возможности для отставок. Имеющиеся у нас списки рязанских помещиков позволяют нам подсчитать число отставок и представить их динамику в виде графика.

Динамика отставок рязанских дворян в 1759—1774 гг.*

* График составлен на основании источников: ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 666, 667, 668, 669. Св. 103.

Первый пик отставок приходится на 1763—1765 гг., то есть на время непосредственно после принятия Манифеста. Второй пик — на 1770 год. Материалы текущего учета дворян, отложившиеся в Герольдмейстерской конторе, показывают, что волна дворянских отставок по России достигла гребня в 1764—1766 гг., а затем снизилась и в 1770 снова пошла вверх³⁰. Таким образом, реакция рязанских благородных на отмену обязательной службы совпала с тенденциями, характерными для российского дворянства в целом.

Среди отставников сравнительно мало было рядовых. В основном ими являлись ветераны войн первой половины XVIII столетия, которые как начали, так и закончили службу солдатами. Такие как 85-летний

О. Пелепелкин, который служил «в московском драгунском полку драгуном 13 лет, в отставке тем же драгуном»³¹. Особенно много рядовых солдат, драгун, рейтар было среди помещиков Михайловского и Пронского уездов. В первой половине XVIII века медленное чинопроизводство не было редкостью даже при условии участия во многих кампаниях. Однако большинство дворян выходило в отставку обер-офицерами (122 человека — 49,2%) и унтерами (73 человека — 29,4%). Примерно каждый десятый достигал штаб-фицерских чинов. Военных I—V классов в списках помещиков, живших в 1775 г. в Рязанском у., не значится. Анализ сказок, поданных старостами отсутствовавших помещиков, показывает, что чем богаче и высокопоставленнее был дворянин, тем больше вероятность его пребывания в Санкт-Петербурге или в Москве. Представители генералитета проживали либо постоянно, либо временно в столицах, а в рязанские поместья обычно наведывались на отдых.

Значительное ужесточение условий дворянской службы произошло в царствование Павла I. Из частей выключались не служащие действительно, прекращались долгие отпуска, усиливались требования к дисциплине. Часть дворян реагировала на это уходом из армии. Сильное сокращение числа благородных произошло в гвардейских полках³².

В мемуарах упоминается целый ряд рязанских дворян, вышедших в отставку после воцарения Павла I из-за его притеснений. Одним из самых известных был Л. Д. Измайлов. Он опоздал со своим полком на коронацию императора. Измайлов пытался оправдаться тем, что не мог оперативно покинуть место дислокации из-за необходимости расплатиться с поставщиками провизии и фуража. Расстроенный, он отправился в гостиницу, куда вскоре прибыл посланец от Павла I и сообщил, что император более не гневается и даже готов оказать милость. Но Измайлов ответил грубостью, и отставка стала неизбежной. За этим столкновением скрывались скорее всего глубокие причины. Измайлов был приверженцем «зубовской партии», и его невоздержанный характер и замашки самодура лишь ускорили развязку³³. В то же время по указанию Павла I со службы были изгнаны и некоторые другие дворяне Рязанской губернии (И. А. Маматов, П. П. Колемин). Бывший генерал-квартирмейстер графа П. А. Румянцева-Задунайского генерал-поручик М. В. Муромцов сам упорно игнорировал все попытки императора привлечь его снова на службу. С этой целью к нему несколько раз приезжал А. А. Аракчеев, но безрезультатно. Муромцов «из любви к матери (Екатерине II. — В. К.) не любил сына» и лишь передал из своего архива некоторые военные документы³⁴. Он предпочитал заниматься обустройством хозяйства в имении Баловнево Данковского уезда, а зимы проводил в Москве.

Вместе с тем на правление Павла I приходится взлет военной карьеры ряда рязанских дворян. В числе их был М. Л. Булатов, ранее служивший адъютантом у Г. А. Потемкина и сыгравший активную роль в штурме Измаила. В 1797 г. он был произведен в полковники, а два года спустя в генералы. Всем был обязан императору полковник — гатчинец Сокорев. До конца жизни он восторженно отзывался о Павле I и уверял, будто «имел бы 2000 душ, если бы государь процарствовал дольше и если бы его... 12 марта не сменили с караула»³⁵.

О масштабе отставок при Павле I можно приблизительно судить по «Ведомости» Г. П. Ржевского. В 1800 г. в Пронском уезде проживал 31 дворянин, отставленный после 6 ноября 1796 года. Кроме того, еще 15 благородных числились выключенными из службы³⁶. Таким образом, в 1796—1800 гг. в уезде в среднем ежегодно селились 15 отставников, покинувших службу после воцарения Павла I. Интенсивность притока отставных дворян была меньшей, чем в первые годы после отмены обязательной службы.

Упоминания мемуаристов о лицах, прервавших при императоре карьеру, часто относятся к тем, кто находился в оппозиции к Павлу I или имел с ним личные столкновения. При этом отставки открывали возможности для карьеры другим дворянам, а интенсивность продвижений и поощрений военных в царствование Павла была выше интенсивности наказаний³⁷.

Важно также выяснить, как к концу XVIII в. в результате правительственной политики изменилось соотношение служащих и неслужащих дворян. К сожалению, мы не можем сопоставить данные списков 1775 года по Рязанскому уезду с данными по тому же уезду на конец столетия в связи с отсутствием источников. Но во второй половине XVIII в. дворяне как Рязанского, так и Пронского уездов проходили воинскую службу на одинаковых условиях. Схожим было и имущественное положение этих дворян — в Рязанской округе доля мелких помещиков составляла 92,3%, а в Пронской — 94,6%. На основании этого представляется возможным сопоставить данные о службе провинциальных дворян по спискам Рязанской воеводской канцелярии и «Ведомости» 1800 года по Пронскому уезду³⁸. Среди дворян мужского пола пронский предводитель выделил «детей... до 13 лет неслужащих» 397 человек; «недорослей от 13 лет и старше» 215 человек; «в службе находящихся» 238 человек, а также отставных и выключенных 575 человек³⁹. Соответственно можно осуществить аналогичную группировку дворян, занесенных в списки 1775 года. В них числилось 204 неслужащих детей до 13 лет; 60 неслужащих недорослей от 13 лет и старше; 120 дворян, находящихся в службе, и 248 отставных дворян. Однако сопоставить абсолютные показатели «Ведомости» и списков 1775 года невоз-

можно, так как учет охватывал разные территории. Например, тот факт, что число находящихся в службе дворян в «Ведомости» почти вдвое больше, чем в списках Рязанской воеводской канцелярии (238 человек против 120), не свидетельствует о том, что удельный вес служащих увеличился к концу столетия. Разница может объясняться тем, что дворянское население Пронского уезда в 1800 г. было более многочисленным, чем в Рязанском уезде за четверть века до этого. Поэтому оправданным является лишь сравнение численности групп отставных, служащих и неслужащих дворян в составе каждого из списков и последующее сопоставление пропорций.

Таблица 2. Изменения в удельном весе неслужащих дворян в последней четверти XVIII в.⁴⁰

Отношение неслужащих от 13 лет и старше			
год	к находящимся в службе	к неслужащим до 13 лет	к отставным дворянам
1775	1 : 2,0	1 : 3,4	1 : 4,1
1800	1 : 1,1	1 : 1,8	1 : 2,7

Из вышеприведенной таблицы видно, что удельный вес неслужащих в дееспособном, по меркам XVIII века, возрасте увеличился в два с лишним раза по сравнению с проходящими службу. Их доля также возросла примерно в два раза по отношению к детям, не достигшим возраста, в котором они могли бы поступить на службу, и отставным дворянам. Это позволяет заключить, что за последнюю четверть века среди рязанских благородных стало больше дееспособных по возрасту лиц, не несущих государственную службу.

Из неслужащих дворян часть составляли неспособные служить по состоянию здоровья. Некоторые дворяне сознательно избирали паразитический образ жизни. Помещик В. О. Бородавкин предпочитал влачить самое жалкое существование в родительском имении, но не служить. В конце концов отец заставил его ехать в Москву и искать себе место. Но пробыв некоторое время «неизвестно где», Василий вернулся домой без каких-либо документов и заявил, что ему велено ждать назначения. Отец подозревал, что сын лукавил, и эти подозрения были вполне обоснованы. В 1805 г. В. О. Бородавкин все еще никуда не устроился. Однако для значительного числа рязанских дворян причины бездействия были иными.

Осенью 1771 г. более 200 молодых дворян Пронского уезда на собрании по раскладке рекрутского набора объявили предводителю С. Б. Тют-

чеву, что желают поступить на службу хотя бы рядовыми, но не могут сделать этого из-за своей бедности. Предводитель обратился в Сенат с ходатайством отправить их в полки с выдачей одежды и «хотя солдатского жалованья и провианта с места». Следствием этого стал сенатский указ от 17 января 1772 года, в котором всем губернаторам было предписано «о подобных сим недорослях дворянских детях наведаться» и направить их за счет казны в места, определенные Военной коллегией⁴¹.

Оповещение рязанских дворян об указе было возложено на предводителей и частных смотрителей. В течение марта—апреля 1772 г. в провинциальную канцелярию были поданы объявления 49 дворян из Рязанского и 92 дворянина из Михайловского уездов. Многие в своих прошениях указывали, что сами добраться до места службы не могут «за неимением у себя людей и крестьян и почти пропитания»⁴². Эта формулировка вполне точно отражала положение вещей. Из 141 дворянина лишь 49 человек имели от 1 до 6 душ. А. Т. и Ф. И. Бегичевы, М. П. и Ф. А. Любавские, О. М. Говоров и Ф. П. Соловкин указали что за ними нет ни земли, ни крепостных. Почти все прочие дворяне владели сравнительно небольшими участками пашни (в основном до 5 четвертей). Источником существования для многих из них была сдача пашни в наем. Для доставки вышеупомянутых недорослей к месту службы пришлось выделить деньги на провиант и купить каждому пару рубах, кафтан, порты, чулки и улоки. Московский губернатор И. Юшков требовал, чтобы платье было куплено «безо всякого в цене излишества», годное лишь для того, чтобы добраться до места службы, где дворянам должно было быть выдано обмундирование⁴³.

В первой половине сентября по указу Военной коллегии половина рязанских дворян была направлена для зачисления в полевые полки в Киев, а остальные в Полтаву и Смоленск. Исключение составили десять человек. Ф. А. Григоров и П. Я. Анненков, не дожидаясь, чем кончится дело в провинциальной канцелярии, самостоятельно отправились в Москву и Воронеж для определения в службу. Е. К. Сивцов и А. А. Шебанов куда-то уехали. Еще шесть благородных были забракерованы лекарем⁴⁴.

Не совсем ясно, как был исполнен сенатский указ в Пронском уезде. Упоминание о группе из 17 пронских дворян, направленных в 1772 г. на службу за казенный счет, есть у Ю. В. Готьё⁴⁵. Судя по всему, Пронская воеводская канцелярия в данном случае действовала независимо от провинциальной, что и было прямо предписано ей в указе.

Следует отметить, что воспользоваться указом смогли далеко не все желающие. Несколько дворян Рязанского уезда подали свои объявления уже после того, как список отправляемых в полки был окончательно утвержден канцелярией. Не вошли в него и дворяне Зарайского уезда.